

Социализм: проблема собственности или знаний?

Ханс-Херман Хоппе

В серии недавних статей в *The Review of Austrian Economics* Джозеф Салерно начал дегомогенизировать часто смешиваемые экономические и социальные теории Людвиг фон Мизеса и Фридриха А. Хайека. В частности, он показал, что их взгляды на социализм совершенно разные, и фактически заявил, что первоначальный аргумент Мизеса в дебатах о так называемом социалистическом расчете был правильным с самого начала и был решающим аргументом, тогда как отдельный вклад Хайека в эти дебаты был ошибочным с самого начала и лишь внес путаницу. Следующая заметка окажет дополнительную поддержку тезису Салерно.

Хорошо известный калькуляционный аргумент Мизеса гласит следующее: если нет частной собственности на землю и другие факторы производства, то не может быть и рыночных цен на них. Следовательно, экономический расчет, т. е. сравнение, в свете текущих цен, ожидаемых доходов и ожидаемых затрат, выраженных в едином средстве обмена — деньгах (тем самым позволяя проводить *большинство* бухгалтерских операций), буквально невозможен. Поэтому фатальной ошибкой социализма является отсутствие частной собственности на землю и факторы

Ханс-Херман Хоппе — почетный профессор экономики Университета Невады в Лас-Вегасе, выдающийся старший научный сотрудник Института Мизеса и президент Property and Freedom Society.

Автор перевода: Андрей Шевцов

производства и, как следствие, отсутствие экономического расчета.

Для Хайека проблема социализма заключается не в отсутствии собственности, а в недостатке знаний. Его тезис полностью отличается от тезиса Мизеса.¹ Для Хайека основным недостатком социализма является тот факт, что знание, в частности «знание конкретных обстоятельств времени и места», существует только в широко рассеянной форме как личное владение различными индивидов; соответственно, *практически* невозможно собрать и обработать все реально существующие знания в уме одного социалистического центрального планировщика. Решение Хайека — это не частная собственность, а децентрализация использования знаний.

Однако это, безусловно, абсурдный тезис. Во-первых, если проблема заключается в централизованном использовании знаний, то трудно объяснить, почему существуют семьи, клубы или фирмы, и почему они не сталкиваются с теми же проблемами, что и социализм. Семьи и фирмы также занимаются централизованным планированием. Глава семьи и владелец фирмы также строят планы, которые ограничивают использование другими людьми их личных знаний, но при этом известно, что семьи и фирмы не сталкиваются с проблемами социализма. Для Мизеса это замечание не представляет никакой проблемы: при социализме частная собственность *отсутствует*, в то время как отдельные семьи и частные фирмы основаны на самом институте частной собственности. Но у Хайека нормальное функционирование семей и фирм вызывает недоумение, поскольку его идея полностью децентрализованного общества основывается на том, что каждый человек принимает свои собственные решения, основываясь на своем уникальном знании обстоятельств, не ограниченном каким-либо центральным планом или на индивидуальной (социальной) нормой (такой, как институт частной собственности).

Во-вторых, если целью является просто децентрализованное использование знаний в обществе, то трудно объяснить, по-

¹ См. в частности широко известную статью 1945 года «The Use of Knowledge in Society», переизданную в F. A. Hayek, *Individualism and Economic Order* (Chicago: University of Chicago Press, 1948). *The Review of Austrian Economics* Vol. 9, No. 1 (1996): 143-49 ISSN 0889-3047

чему проблемы социализма принципиально отличаются от проблем, с которыми сталкивается любая другая форма социальной организации. Любая человеческая организация, состоящая из отдельных индивидов, постоянно и неизбежно использует децентрализованные знания. При социализме децентрализованные знания используются не меньше, чем в частных фирмах или домашних хозяйствах. Как и в фирме, при социализме существует центральный план; и в рамках ограничений этого плана социалистические рабочие и сотрудники фирмы используют свои собственные децентрализованные знания об обстоятельствах времени и места для реализации и выполнения этого самого плана. Для Мизеса все это совершенно не имеет значения. Но в рамках аналитической концепции Хайека не существует никакой разницы между социализмом и частной корпорацией. Следовательно, первое не может быть намного хуже, чем второе.

Очевидно, что тезис Хайека относительно ключевой проблемы социализма является бессмыслицей. Что категорически отличает социализм от фирм и семей, так это не наличие централизованных знаний или отсутствие использования децентрализованных знаний, а скорее отсутствие частной собственности и, следовательно, цен. На самом деле, в случайных ссылках на Мизеса и его оригинальный аргумент о расчете, Хайек иногда, кажется, тоже это понимает. Тем не менее его попытка интегрировать свой собственный тезис с тезисом Мизеса, тем самым обеспечив новый и более совершенный теоретический синтез, терпит неудачу.

Хайековский синтез состоит из следующей пропозициональной конъюнктуры: «По сути, в системе, в которой знание соответствующих фактов рассеяно среди многих людей, цены могут координировать разрозненные действия различных людей», а «система цен» может служить «механизмом передачи информации»². Хотя вторая часть этого предложения кажется смутно мизезианской, не ясно, как она логически связана с первой, кроме как через иллюзорную ассоциацию Хайека «цен» с «информацией» и «знаниями». Однако эта ассоциация является скорее семантическим трюком, чем строгой аргументацией. С одной стороны, вполне резонно говорить о ценах как о системе передаче информации. Они сообщают о прошлых обменных курсах.

² Там же, стр. 85-86.

Но отсюда не следует вывод, что центральной проблемой социализма является недостаток *знаний*. Это было бы справедливо только в том случае, если бы цены действительно были информацией. Однако это не так. Цены передают знания, но при этом они являются коэффициентами обмена различных товаров, которые являются результатом добровольного взаимодействия отдельных индивидов, *основанного на институте частной собственности*. Без института частной собственности информация, передаваемая ценами, просто не может существовать. Частная собственность является необходимым условием — *die Bedingung der Moglichkeit* — знания, передаваемого через цены. Но в таком случае верным будет лишь вывод, как это делает Мизес, что именно отсутствие института частной собственности является проблемой социализма. Утверждать, что проблема заключается в недостатке знаний, как это делает Хайек, значит путать причину и следствие, или предпосылку и следствие.

С другой стороны, отождествление Хайеком «цен» и «знания» включает в себя обманчивую двусмысленность. Хайек не только не проводит различия между тем, что можно было бы назвать институциональными знаниями — информацией, которая требует для своего существования наличие какого-либо института (например, знание цен требует наличия частной собственности) — и необработанными или внеинституциональными знаниями — например, это дуб, я люблю арахис или птицы могут летать. Более того, Хайек также не замечает, что знание цен является совсем не тем видом знания, существование которого, как он считает, ответственно за «практическую невозможность» социализма и централизованного планирования. По мнению Хайека, централизованное планирование невозможно из-за того, что часть человеческого знания существует только в виде, по сути, личной информации:

...практически любой индивид обладает определенным преимуществом перед всеми остальными, поскольку владеет уникальной информацией, которую можно выгодно использовать.³

Безусловно, совершенно верно, что такие знания существуют, и хотя также верно, что абсолютно личные знания, конечно,

³ Там же, стр. 80.

никогда не могут быть централизованы (без потерь информации). При этом ошибочно считать, что знание цен относится к этой категории однозначно личной информации. Конечно, цены — это «цены, уплаченные в определенное время и в определенном месте», но это не делает их личной информацией в хайековском смысле. Напротив, информация, передаваемая *ценами*, является *общедоступной* информацией, поскольку цены — как объективные обменные коэффициенты — являются действительными событиями. Может быть *трудно* узнать все цены, уплаченные в указанную дату и в определенном месте, точно так же как трудно узнать физическое местоположение каждого человека в любой момент времени. Тем не менее вряд ли *невозможно* узнать ни то, ни другое, в то время как с нынешними компьютерными технологиями это, вероятно, проще простого. В любом случае, даже если я никогда не смогу узнать все, что знаете вы, и *наоборот*, предположить, что мы оба можем одновременно обладать одинаковой информацией о ценах не более проблематично, чем предположить, что мы оба можем одновременно знать одни и те же результаты игры в бейсбол. Следовательно, знания, передаваемые *ценами*, на самом деле могут быть *централизованы*. Но если информация о ценах является общедоступной информацией и, следовательно, может быть централизована, то, согласно тезису Хайека о том, что проблема социализма проистекает из неэффективности попыток централизовать подлинно децентрализуемые личные знания, следует, что отсутствие цен, а следовательно, и частной собственности, *не имеет никакого отношения* к бедственному положению социализма. В противном случае, если согласиться с Мизесом, отсутствие частной собственности и цен действительно имеет прямое отношение к бедственному положению социализма. Вклад Хайека в дебаты о социализме должен быть отброшен как ложный, запутанный и неуместный.

Неверное представление Хайека о природе социализма является симптомом фундаментального недостатка в его мышлении, характерного не только для его экономики, но и, в частности, для его политической философии: его ультрасубъективизм. Хайек, как отмечали и цитировали до тошноты его многочисленные последователи, был убежден, что «вероятно, не будет преувеличением сказать, что каждое серьезное открытие в эконо-

⁴ *The Counterrevolution of Science* (New York: Free Press. 1955). стр. 31

номической теории за последние сто лет было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма»⁴. Хотя это вполне может быть правдой, из этого логически не следует, что каждое дальнейшее приложение субъективизма также должно приводить к прогрессу в экономической теории. Однако Хайек, похоже, сделал подобный вывод и, таким образом, стал ярким примером, иллюстрирующим его ложность.

Мизес, а вслед за ним еще более четко Мюррей Ротбард, рассматривает экономику как науку о человеческой деятельности. Деятельность имеет два неразрывных аспекта: субъективный аспект (действие — это рациональное, разумное деяние) и объективный аспект (действие — это всегда деяние с реальными вещами и физическими предметами). Соответственно, экономическая и политическая философия Мизеса и Ротбарда всегда надежна, и их категории и теории неизменно обладают реальным, оперативным значением: частная собственность, разделение труда на основе частной собственности, производство, прямой и косвенный обмен, а также принудительное вмешательство в частную собственность, производство и обмен, такое как налогообложение, фальсификации, законодательство и регулирование.

В отличие от них, Хайек — а также введенные им в заблуждение в разной степени Израиль Кирцнер и Людвиг Лахманн — рассматривает экономику как своего рода науку о человеческом знании. Соответственно, категории и теории Хайека относятся к чисто субъективным явлениям и неизменно оказываются недостижимыми или даже иллюзорными. Его заботит не действие с вещами, а знание и незнание, разделение, рассеивание и распространение знаний, бдительность, открытия, обучение, координация и расхождение планов и ожиданий. Внешний физический мир и реальные материальные события почти полностью исчезли из его поля зрения. Категории Хайека относятся к ментальным состояниям и отношениям, полностью отделенным от любых реальных физических состояний вещей и совместимым с ними событий.

Наиболее заметным и тревожным является ультрасубъективистский поворот в политической философии Хайека. Согласно давней традиции политической философии, разделяемой Мизесом и Ротбардом, свобода определяется как свобода частной собственности и контроля над недвижимостью, а принуж-

дение — как нанесение физического ущерба частной собственности других.. В отличие от этого, Хайек определяет свободу как «состояние, в котором каждый может использовать свои собственные знания для своих собственных целей»⁵, а принуждение означает «контроль окружения или обстоятельств человека, осуществляемый кем-либо другим, при котором во избежание худшего зла человек вынужден действовать не в соответствии с собственным последовательным *планом*, а служить *целям* другого»⁶ или, альтернативно, «принуждение имеет место, когда действия одного человека вызваны тем, что ему приходится служить воле другого ради достижения не своей, а чужой *цели*»⁷ (все акценты мои). Очевидно, что определение Хайека не содержит ничего, касающегося дефицитных товаров и реальной материальной собственности, и его определение не содержит никакого физического критерия или показателя для существования или несуществования любого из этих состояний. Скорее, принуждение и свобода относятся к конкретным конфигурациям субъективных желаний, планов, мыслей или ожиданий. В качестве *ментальных* предикатов определения свободы и принуждения Хайека совместимы с любым реальным, физическим положением дел. Они не обладают способностью проводить какие-либо реальные различия.⁸

Подобная критика и опровержение ультрасубъективизма Хайека выходит за рамки данной заметки. Однако, помимо фундаментального вопроса о том, возможна ли вообще наука о знании, как ее представлял Хайек, то есть может ли существовать какая-либо наука о знании, кроме логики и эпистемологии, с одной стороны, и истории идей — с другой,⁹ можно сделать два до боли ясных вывода. Даже если наука Хайека о знании воз-

⁵ *Law, Legislation, and Liberty*, Vol. 1 (Chicago: University of Chicago Press, 1973), стр. 55-56.

⁶ *Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), стр. 20-21.

⁷ Там же, стр. 133.

⁸ См. также Ханс-Германн Хоппе, «Hayek on Government and Social Evolution», *Review of Austrian Economics* 7, № 1 (1994): esp. 70f.

⁹ Некоторые серьезные сомнения по этому поводу см. в книге Hans-Hermann Hoppe, *Kritik der kausalwissenschaftlichen Sozialforschung* (Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983).

можно, она в лучшем случае представляется неуместной, потому что праксеологически и операционально она бессмысленна. В худшем случае она интеллектуально пагубна, поскольку способствует развитию релятивизма.

Что касается реального мира взаимодействия с физической собственностью, производством и обменом, деньгами и рынками, прибылью и убытками, накоплением капитала и банкротством, то здесь не может быть никаких прочных сомнений в существовании *законов* и постоянном проявлении *тенденции* к общему равновесию, действию и координации. Аналогичным образом, не может быть никаких сомнений в существовании законов и постоянном проявлении неравновесных тенденций в мире фактического налогообложения, фальсификации, законодательства и регулирования. Действительно, не признавать такие законы и тенденции и придерживаться релятивистских взглядов было бы крайне затратно и непозволительно. С другой стороны, скрытно переключая внимание с материального мира действий и собственности на бесплотный мир знаний, идей, планов и ожиданий, релятивистские взгляды становятся привлекательными (и дешевыми). В мире знаний Хайека нет очевидных закономерностей и тенденций. На самом деле, трудно даже представить, что могут означать «закон» и «равновесие» в контексте чисто субъективных явлений. Вместо этого, по-видимому, не существует ничего, кроме постоянных калейдоскопических изменений.

Поэтому неудивительно, что Хайек и его последователи могли выдвигать такие релятивистские лозунги, как то, что мы не в силах сделать что-то для улучшения нашего состояния, кроме как полагаться на спонтанную эволюцию, что наше будущее совершенно непознаваемо или что мы не можем не участвовать в бесконечном и открытом потоке обсуждений. С точки зрения области чисто субъективных явлений, обращенных к чисто духовному бесплотному существу, то это действительно может быть хорошим советом. Однако обладая физическим — телесным — существованием, зачем кому-то вообще об этом знать? В отношении мира физических действий и собственности такой совет — саморазрушительная бессмыслица.